

ХУДОЖНИК
РОДОМ ИЗ ЛАТВИИ

ТЕКСТ: ГЕОРГИЙ СТРАЖНОВ
ФОТО: НАТАША ГУДЕРМАНЕ

«Mademoiselles» ИНТИМНЫЙ ПОРТРЕТ ПАРИЖАНОК

О СЕРИИ ФОТОГРАФИЙ НАТАШИ ГУДЕРМАНЕ, КОТОРЫЕ МЫ УВИДИМ НА ВЫСТАВКЕ В АПРЕЛЕ, БЕЗЗАЩИТНОСТИ ЖЕНЩИНЫ, ПАРИЖСКОМ ШАРМЕ И МУЖЧИНАХ, КОТОРЫЕ НИ НА ЧТО НЕ ПРОМЯНЮТ СОБСТВЕННЫЙ КОМФОРТ

Первая персональная фотовыставка Наташи Гудермане в Киногалерее была тепло принята публикой и прессой. Некоторые журналы предложили ей сотрудничество. Несколько фотографий, выложенные ею в Интернете, были приобретены коллекционерами из США, Латинской Америки и Европы. Все это обнадеживало. Возможно, именно это подвигло ее на тот шаг в 2005 году... Она переехала в Париж, где живет и успешно работает вот уже шестой год.

Лет семь назад, когда я преподавал теорию и практику рекламы в Латвийской академии культуры, среди моих студентов (мужчины были в подавляющем меньшинстве) выделялась русская девушка Наташа — единственная на латышском курсе. Она была совершенная билингва, то есть спокойно говорила и писала на обоих языках. Однажды после занятий мы с ней разговорились, и она призналась, что ни минуты не собирается работать по своей специальности менеджера культурных проектов: ее захватила фотография, которой она занимается серьезно. Я попросил ее показать работы. Она принесла их мне в Киногалерею. Фотографии оказались весьма любопытными. По своей профессии рекламиста я был связан тесными дружескими и профессиональными узами не с одним блестящим рижским фотографом. Устраивал некоторым из них персональные выставки. Но даже на фоне мэтров Наташины работы выглядели весьма свежо и оригинально. Каждый, кто хоть раз увидел ее фотографии, не может их забыть...

Перед персональной выставкой в галерее Birkenfelds (Рига, ул. Рупниецибас, 15 апреля — 10 мая) мы с Наташей снова встретились и поговорили «за жизнь». На мой главный вопрос: как она все-таки решилась на отъезд? — Наташа ответила коротко:

— Просто взяла и поехала. А думала уже потом.

— Твои первые шаги в Париже?

— Началось с того, что я получила письмо из американского журнала Marie Claire, в редакции которого увидели мои фотографии в Интернете и захотели одну из них приобрести для репортажа о ведущих женщинах-фотографах мира. Когда ты только в начале своей карьеры, попасть в список ведущих — это вдохновляет. Потом все нарастало постепенно, как снежный ком. Некоторые журналы сами обратились ко мне, в некото-

рые писала я. Затем я нашла себе агента, потом еще одного. Так дела и пошли.

— А когда к тебе пришло понимание своей миссии — фотографа?

— Когда я увидела, что мои фотографии трогают людей.

— Как ты считаешь, что сформировало тебя как творческую личность и когда ты ощутила первый импульс к творчеству? И зачем ты в таком случае окончила Академию культуры?

— В то время я любила учиться и мечтала изменить жизнь к лучшему. Например, сделать книги очень дешевыми и прививать людям вкус к чтению. Мне казалось, что я могу создать такой проект.

— Можешь ли ты назвать людей, которые определили тебя как личность?

— Могу. Есть один невероятно талантливый человек, мыслитель Валдис Эгле. Я

ФРАНЦУЗСКИЙ МУЖЧИНА В ЛЮБВИ ГОРАЗДО БОЛЕЕ ПРАГМАТИЧЕН. ОН НЕ ОТДАСТ ВСЕГО ЗА ЖИЗНЬ С ЛЮБИМОЙ, ОН СДЕЛАЕТ ЛИШЬ ТО, ЧТО НЕ ТРЕБУЕТ ЧРЕЗМЕРНЫХ УСИЛИЙ. А ДЛЯ ФРАНЦУЗА ЧРЕЗМЕРНЫМ УСИЛИЕМ ЯВЛЯЕТСЯ ВСЕ, ЧТО ВЫВОДИТ ЕГО ИЗ СОСТОЯНИЯ ЛИЧНОГО КОМФОРТА.

выросла на беседах с ним. Он привил мне любовь к мысли и любопытство к миру. Его труды есть в Интернете на латышском и на русском. Друзья моей юности тоже оставили большой и красивый след.

— Бесконечно велика в судьбе всякой девочки роль матери. Насколько тебе повезло с мамой?

— Моя мама — человек, который умеет жить. Она сохранила юную душу, т.е. способность удивляться миру и радоваться мелочам. Мне нравится, что она смешная, и мне с ней никогда не скучно.

От мамы у меня чувство внутренней свободы. Еще когда я была маленькой, она сказала мне: «Ты личность, и никто не должен тобой понукать». В трудные школьные годы, когда учителя называли меня «врагом народа», мама всегда была на моей стороне.

— Есть ли сейчас в твоей жизни человек, с которым ты не хотела бы расставаться?

— А я ни с кем не хочу расставаться. Но при этом постоянно с кем-то расстаюсь. У меня ершистый характер. Мне немного надо, чтобы отрубить человека. Потом иногда жалею, но чаще всего — нет. Впрочем, сейчас любовь учит меня быть более терпимой. И мне это нравится...

— Говорят, что любовь (даже неразделенная) — это движущая сила всякого творчества. Согласна ли ты с этим?

— Любовь может быть и разделенной, но все равно трудной. Слишком много трудной любви скорее убивает творчество, так как отнимает энергию необходимую для работы.

— Поделись впечатлениями, чем французский мужчина отличается от русского или латыша?

— На первый взгляд французский мужчина кажется более романтичным. Он так легко рассыпается в комплиментах, так быстро готов говорить о чувствах, так страстно смотрит, так искренне выражает свое восхищение... Рядом с ним русский или (в меньшей степени) латыш может показаться неотесанным медведем. На самом же деле француз в любви гораздо более прагматичен. Он не отдаст всего за жизнь с любимой, он сделает лишь то, что не требует чрезмерных усилий. А для француза чрезмерным усилием является все, что выводит его из состояния личного комфорта, который для него превыше всего на свете. Он не склонен ни к героизму, ни к глупостям. Чувство здравого смысла не покидает его никогда. Если ситуация кажется ему слишком сложной, он будет любить жен-

щину виртуально. В то время как мои соотечественники (по крайней мере, мне так кажется) способны на безрассудные поступки без всяких расчетов.

— Правда ли, что французы шовинисты? Как они воспринимают тебя, слыша твой акцент?

— Французы могут быть шовинистами, но никогда — с привлекательной женщиной. Мой акцент им кажется очень милым, особенно если его можно использовать как повод для флирта. Если серьезно, французы невероятно открыты к другим культурам и, к сожалению, начинают забывать свою собственную.

— Угадала ли ты секрет притягательной силы Парижа?

— Париж — это город, где нужно жить настоящим днем (*ici et maintenant*) и не относиться к вещам слишком серьезно, быть легче. Люди часто меняют квартиры, работу, подруг и друзей — все течет, ничто не стабильно. Это немного грустно, но в этом постоянном обновлении наверное и есть прелесть этого города.

**НАСТОЯЩИЙ ХУДОЖНИК
ВСЕГДА ХРАБР, ВЕДЬ ОН
«НАРУШИТЕЛЬ ПОРЯДКА»,
ВЗЛОМЩИК УСТОЕВ. МНЕ
НРАВИТСЯ, ГЛЯДЯ НА
РАБОТУ ХУДОЖНИКА,
ЗАДАВАТЬ СЕБЕ ВОПРОС:
«И КАК ТАКОЕ ЕМУ МОГЛО
ПРИЙТИ В ГОЛОВУ?»**

«Под мостом Мирабо тихо Сена течет
И уносит нашу любовь.

Я должен помнить: печаль пройдет
И снова радость придет».

Это Аполлинер (*перевод Михаила Кудинова. — Прим. авт.*)

— Планируешь ли ты как-то свое будущее?

— Со временем я нахожусь в весьма странных отношениях. Когда мне нужно ставить дату под каким-либо документом, я с трудом вспоминаю, какой сегодня год. Я хотела бы жить так, будто время вообще не существует. Впрочем, кажется, что его действительно не существует как физичес-

кой величины. Если не ошибаюсь, Эйнштейн об этом говорил.

— Почему ты снимаешь только обнаженку?

— По-видимому, этот жанр мне удастся особенно хорошо. Впрочем, посмотрите мой сайт www.gudermane.net, я снимаю далеко не только обнаженку.

— Почему тебя так интересуют женщины? Некоторые даже интересуются твоей ориентацией.

— Я бы с меньшим удовольствием снимала мужчин, но снимать их обнаженными гораздо труднее. Я давно размышляла над тем, как можно показывать мужское тело, не впадая в фарс или гомосексуальную эстетику. Возможно, это станет темой моего следующего проекта.

— Но разве одежда не больше говорит о женщине, чем ее обнаженное тело?

— Интересно не столько тело, сколько отношение с ним. Мне нравится та ранимость, которая проявляется, когда мы делаем женщину беззащитной, раздевая ее. Больше не за что зацепиться, не за что

спрятаться, маски сброшены, осталась только ты сама, тут-то и вылезает все самое интересное.

— **Появились ли у тебя уже свои любимые места в Париже?**

— Да, я очень люблю гулять по Лебединому острову, читать в Люксембургском саду.

— **Много ли ты работаешь в Париже? Остается ли время на отдых?**

— Вот чего я не люблю, так это отдыхать. Мне нравится делать. Когда работаешь с удовольствием и не спеша, это лучше любого отдыха.

— **Есть ли у тебя в Париже свой круг друзей?**

— У меня есть друзья всех возрастов и разных профессий. Среди них артисты, журналисты, политики. Долгое время я дружила лишь с мужчинами, французки избегали близкой дружбы со мной. Но благодаря моему проекту про парижанок теперь у меня есть хорошие приятельницы.

— **Ты всегда элегантно одета. Расскажи, в чем секрет парижского шарма...**

— Спасибо, но моя элегантность не имеет к Парижу никакого отношения. Мне не близка манера парижанок одеваться. «Небрежный шик», которым они так гордятся, мне кажется порой банальной неухоженностью. Я предпочитаю манеру англичанок. И вещи я люблю покупать в Лондоне или Риме, там одежда более смелая и женственная.

— **О фотографии. Кто для тебя является кумиром в фотографии?**

— Я очень люблю Франческу Вудмэн, Лукаса Самараса, Салли Манн — всех этих сумасшедших.

— **Чего ты ждешь от работы фотографа?**

— Дуновения свежего ветерка в жаркий день. Удивления и вдохновения...

— **Что ты ценишь в художнике больше всего?**

— Смелость. Настоящий художник всегда храбр, ведь он «нарушитель порядка», взломщик устоев. Мне нравится, глядя на работу художника, задавать себе вопрос: «И как такое ему могло прийти в голову?»

— **Много ли в Париже твоих сверстников-фотографов, чьи работы тебе интересны?**

— Да, больше всего мне нравится наблюдать именно за восходящими художниками, и таких в Париже немало. Только на полках книжных магазинов их, как правило, не встретишь, все отведено под классиков. Одни и те же имена. Жаль.

— **Развитие фототехники привело к появлению большого количества непрофессионалов в этом виде искусства. Как ты отличаешь любительские работы от работ мастеров?**

МНЕ НРАВИТСЯ ТА РАНИМОСТЬ, КОТОРАЯ ПРОЯВЛЯЕТСЯ, КОГДА МЫ ДЕЛАЕМ ЖЕНЩИНУ БЕЗЗАЩИТНОЙ, РАЗДЕВАЯ ЕЕ. БОЛЬШЕ НЕ ЗА ЧТО ЗАЦЕПИТЬСЯ, НЕ ЗА ЧТО СПРЯТАТЬСЯ, МАСКИ СБРОШЕНЫ, ОСТАЛАСЬ ТОЛЬКО ТЫ САМА, ТУТ-ТО И ВЫЛЕЗАЕТ ВСЕ САМОЕ ИНТЕРЕСНОЕ.

— Если мы говорим о таланте, то для меня художник тот, у кого есть стиль, все прочие — ремесленники. Если же мы говорим о техническом мастерстве, то профессионал выделяется качеством работы (что само по себе не делает его художником). Мастер это тот, кто объединяет талант и качество работы.

— **Бывали ли в твоей жизни какие-то чудесные встречи или случаи?**

— Да, однажды на мой балкон залетели ангелы, чтобы передохнуть. Они курили, говорили по мобильнику, сушили промокшие ноги. Я знала, что они могли б мне на время одолжить свои крылья, но даже пальцем не пошевелила... видимо, понимала в глубине души, что все равно не решусь полететь с такой высоты. ■

